

Маор Забар

(Maor Zabar) — художник по костюмам, дизайнер шляп, основатель шляпного ателье Maor Zabar Hats в Тель-Авиве. maorzabarhats.com

Людмила Алябьева —

шеф-редактор журнала «Теория моды», редактор серии «Библиотека журнала „Теория моды“», академический директор Аспирантской школы по искусству и дизайну. liudmila.aliabieva@gmail.com

Идеальное — скудно,

или Искусство шляпы Маора Забара

Интервью стало возможным благодаря поддержке Посольства Государства Израиль в Российской Федерации и лично директору Департамента культуры и публичной дипломатии Сигаль Коэн и координатору культурных проектов Софии Скуратовской

Людмила Алябьева (Л. А.): Где вы учились и почему решили заниматься именно шляпами? (Иллюстрации см. во вкладке 5.)

Маор Забар (М. З.): Я учился дизайну одежды и костюма в колледже Шенкар в Израиле. Шляпы мне нравились всегда, даже не знаю почему. Просто меня к ним тянуло. Я постоянно искал возможность где-то поучиться, но в Израиле таких курсов не было. Когда я учился, отдельного направления по шляпам не существовало даже в Шенкаре. Так что сначала я многое делал, по сути, по наитию. Уже после Шенкара я нашел мастерицу, которая изготавливала шляпы для театра. Она согласилась заниматься со мной индивидуально. Так я освоил базу, а дальше стал искать свой стиль и свои приемы. Но в целом — да, это моя давняя страсть, хоть я и не могу толком объяснить, откуда она взялась.

П. А.: Мне как раз хочется поговорить об этом подробнее, потому что израильский контекст, знаете ли, не особенно питает такого рода интерес. Кажется, что шляпам здесь особенно нет места — есть либо утилитарные шляпы от солнца, либо религиозные головные уборы.

М. З.: Да, в этом и дело. Для меня шляпы всегда были, скорее, искусством. Я думаю о них как о скульптуре. Поэтому я никогда не пытался «вписывать» их в израильскую повседневность. Для меня шляпы всегда были чем-то вне контекста — фантазией. И довольно рано я понял, что в Израиле полноценный шляпный бизнес не построишь. Единственный рабочий вариант — продавать шляпы за границу.

П. А.: Вы сказали «фантазия». Сейчас мы действительно часто воспринимаем шляпы именно так: как нечто фантазийное, экстравагантное, выходящее за рамки обыденного. Но когда-то шляпа была абсолютно утилитарным аксессуаром, без нее просто не принято было выходить из дома. Не кажется ли вам, что шляпа стала такой «фантазийной» именно потому, что перестала быть обязательной?

М. З.: Мне кажется, это связано с общей эволюцией моды. Хотя сегодня шляпная индустрия, к сожалению, как будто отделилась от моды, исторически шляпы развивались вместе с ней. А когда мода стала свободнее и более ориентированной на удобство, шляпа начала казаться чем-то лишним, потому что людям хотелось избавиться от всего неудобного и непрактичного. Сейчас шляпы чаще носят из утилитарных соображений — для защиты от солнца или от холода, а не для того чтобы выглядеть эффектно. По-настоящему выразительные, даже безумные шляпы можно увидеть либо на мероприятиях, где этого ожидают, либо там, где человек сознательно хочет произвести фурор — быть заметным, показать себя с самой безумной стороны. И именно здесь появляется больше пространства для воображения и творчества, потому что я делаю не практичные вещи. Я делаю вещи, которые можно надеть один раз на особое событие, просто чтобы тебя увидели или чтобы поучаствовать в конкурсе. И, думаю, именно поэтому я могу продавать свои безумные шляпы — потому что для них есть место. Это небольшая ниша, но она существует. И я вижу, что интерес к шляпам растет. Я только хотел бы, чтобы они снова шли рука об руку с модой, как раньше. У некоторых модных домов шляпы все еще часть их художественного замысла, но для большинства это уже не важно.

П. А.: А когда вы учились изготавливать шляпы, у вас были какие-нибудь ориентиры? Большие имена — например, британцы вроде Стивена Джонса или Филипа Трейси?

М. З.: Да. Поскольку я изучал моду, я в первую очередь видел тех, кто работал именно в модной индустрии: Джонс, Трейси — конечно, они вдохновляли. Во многом из-за них я и решил заниматься шляпами. А когда уже начал работать, стал открывать для себя и других мастеров. Каждое такое открытие очень вдохновляет. Сейчас в мире много талантливых шляпников, которые делают невероятные вещи. Но мне всегда были важны и мастера прошлого. Например, сестра и брат Бесс и Бенджамин Грин-Филд, основавшие ателье Ves-Ven в 1920 году в Чикаго, — их причудливые работы в чем-то близки тому, что делаю я, хотя, конечно, у них свой почерк.

Все это вдохновляло и давало уверенность: я на правильном пути.

П. А.: Как бы вы описали разницу между работой над одеждой и работой над шляпой?

М. З.: Тут многое зависит от того, что мы называем одеждой: повседневную вещь или фантазийный наряд. Если речь про кутюр и сложные образы, я, честно, большой разницы не вижу. Для меня это цельный дизайн: одежда и шляпа работают вместе. Я еще и художник по костюмам, и, когда я думаю об образе, чаще всего одежда и шляпа составляют единое целое, а не существуют по отдельности. Так что не думаю, что у меня есть какая-то особая позиция. Когда я делаю шляпы, я во многом опираюсь на свой опыт работы с одеждой. Я работаю практически так же: делаю мудборд и собираю референсы, потом работаю с эскизами, затем начинаю искать материалы и экспериментировать с ними. И часто я делаю макет прежде, чем создавать финальную шляпу. В этом смысле все очень похоже на работу с костюмом. Так что я вижу здесь больше сходства, чем различий.

П. А.: Но само место шляпы — на голове — делает ее очень «громкой», однозначно высказыванием.

М. З.: Да. Шляпа на теле расположена стратегически: ее видно первой. Даже издали люди сначала заметят шляпу, а потом уже одежду. Думаю, поэтому многие и не носят шляпы: не всем хочется быть на виду, ловить на себе оценивающие взгляды. Ведь человек в шляпе сразу притягивает внимание. И в этом смысле — из-за расположения, из-за того, что она на голове, — шляпа обычно привлекает больше внимания, чем одежда. Плюс есть чисто техническая сторона: в шляпе важны вес и баланс на голове — об этом при работе с одеждой обычно не думаешь. Со временем я научился делать шляпы максимально большими и при этом максимально легкими.

И про баланс нельзя забывать — это почти инженерная задача. Так что в каком-то смысле шляпнику нужно быть и инженером. Как расположить шляпу на голове, особенно если она объемная и части буквально «разбегаются» в разные стороны? Как сбалансировать шляпу так, чтобы она сидела комфортно и чтобы человек не тревожился, что она упадет?

П. А.: Да, слетевшая с головы шляпа — это такой распространенный юмористический сюжет, мем, если пользоваться современным словарем. Из-за чего в отношениях со шляпой всегда присутствует ощущение риска, как будто все время есть шанс, что со шляпой что-то случится.

М. З.: Да. И на протяжении многих лет дизайнеры придумывали разные способы закреплять шляпы, начиная еще с булавок в XIX веке. Все время появлялись новые решения: ободки, резинки, зажимы, гребни — разные способы удержать шляпу на месте. Я не скажу, что делаю что-то принципиально новое. Просто когда я создаю крупные вещи, большие «вау-объекты», мне нужно заранее продумать, насколько комфортно и устойчиво они будут сидеть на голове. Поэтому я всегда стараюсь находить решения, которые позволяют сделать шляпу очень-очень легкой и прочно сидящей на голове. Но одновременно важно и другое: крепление не должно давить слишком сильно, иначе начнет болеть голова.

П. А.: А как двигаются люди в шляпах, как себя ведут, меняются ли техники тела человека, надевшего шляпу?

М. З.: Да, конечно. Я всегда надеюсь, что в идеале мои шляпы не будут мешать человеку, что он сможет нормально функционировать. Понятное дело, я не думаю, что кто-то будет мыть посуду или складывать белье в этих безумных конструкциях, разве что ради фотосессии.

Вообще, это важно для любого шляпника — следить за тем, чтобы шляпа хорошо сидела и была сбалансированной. Поэтому да, я всегда стараюсь делать свои работы максимально легкими. И одновременно все время думаю, как создать внутреннюю конструкцию, ободок или другое крепление, чтобы шляпа держалась уверенно, а человек не боялся, что она слетит.

Часто в ход идут проволока и резинки. Думаю, с этой задачей сталкивается каждый шляпник и каждый находит свое решение. Я не копирую чужие методы — я даже не знаю, кто как делает. Я просто изобретаю свои способы.

П. А.: То есть это сочетание инженерии, технологий и фантазии?

М. З.: Да, по сути так. И еще легкости материалов.

П. А.: Но даже если шляпа сидит удобно, чтобы носить ее сегодня, как вы сказали, все равно нужна смелость. Так кто ваши клиенты? Кто ваши Изабеллы Блоу?

М. З.: Точно смелые люди. Но дело в том, что я не только делаю «вау-шляпы», но и работаю с заказчиками и стараюсь учитывать их запросы. Не всегда человеку нужен совсем уж безумный головной убор. Иногда просят что-то более сдержанное, более классическое, и это нормально. Пока заказ не противоречит моему стилю, я готов сделать все, что нужно клиенту. Но, конечно, больше всего я люблю делать свои шляпы — не всегда большие, но непременно причудливые, яркие и с долей юмора. У меня разные клиенты в разных странах. Сейчас я в основном продаю в США — большая часть моих заказчиков оттуда. Они живут в разных местах. И, как правило, мои клиенты — люди состоятельные, потому что такие вещи стоят недешево. Чаще всего шляпы покупают для особых событий: светских мероприятий, скачек, благотворительных вечеров, вечеринок. Иногда мои шляпы покупают для костюмированной вечеринки, но это скорее костюмированная вечеринка люкс-уровня, а не обычный Хеллоуин или что-то такое.

П. А.: Наблюдаете ли вы какую-то гендерную специфику среди ваших клиентов? Кажется, что большинство ваших шляп создано все-таки для женщин?

М. З.: Я не люблю делить свои работы на женские и мужские. У меня нет ярлыков и нет раздела для женщин или для мужчин. Среди моих клиентов есть и мужчины, но чаще такие сумасшедшие штуки носят все-таки женщины. Но мне кажется, их вполне могут носить и мужчины. Мир и мода сейчас в такой точке, где можно позволить себе безумие — носить что хочешь и как хочешь. Поэтому я иногда делаю фотосессии и с мужчинами тоже, не только с женщинами.

Хотя, признаюсь, продавать мужчинам сложнее, чем женщинам. В целом, мне кажется, женщины смелее в отношении цвета и «безумия», даже если говорить о моде вообще. Думаю, женская мода более дерзкая, чем мужская. Но, конечно, есть исключения: есть выдающиеся дизайнеры, которые делают очень смелые вещи и для мужчин. И это вдохновляет. Лично для меня принцип один: я не маркирую свои работы по гендеру. Мне одинаково легко представить свои работы и на мужчинах и на женщинах.

П. А.: Как вы выбираете тему, когда работаете с клиентами? Потому что, очевидно, подход к работе над коллекцией и работа с конкретным заказчиком — это не одно и то же.

М. З.: Когда я делаю собственную коллекцию, я, конечно, отталкиваюсь от темы, которая мне интересна. И вдохновение не всегда приходит сразу: иногда нужно просто отпустить ситуацию, и вдохновение придет, когда придет. Вдохновить может выставка, что-то увиденное на улице, в кино, по телевизору, в театре. Иногда попадается материал, который вдруг цепляет. Источники бывают очень разные, поэтому я стараюсь не «выжимать» идею силой. Когда вдохновение появляется, я понимаю: хорошо, вот вокруг этого и будет коллекция. Но это именно про мои личные коллекции.

А когда я работаю на заказ — делаю единичные шляпы для частных клиентов или собираю коллекцию для компании, — я уже исхожу из того, что приносит заказчик. Клиент может прийти с темой, а может с платьем и просьбой подобрать к нему шляпу. Компания приносит набор тем: «нам нужны шляпы вот для этого, для этого и для этого, вдохновленные тем-то и тем-то». И дальше я начинаю рисовать эскизы и отправлять им.

И с частным клиентом, и с компанией я всегда начинаю с эскизов: сначала рисую и показываю. И только когда эскиз утвержден, я приступаю к изготовлению.

П. А.: А что это за компании?

М. З.: Несколько лет я сотрудничаю с компанией, которая устраивает роскошные мероприятия для богатых клиентов, если говорить прямо. Они регулярно заказывают у меня коллекции под разные темы — сезонные или связанные с какой-то новой идеей, которая меняется каждый год. Они присылают референсы, а я разрабатываю под них дизайн и рисую эскизы шляп.

И сейчас я начинаю сотрудничать с модной компанией, которая делает аксессуары. Там другой режим: я думаю не про необычные вещи для мероприятий, а про то, чтобы вещи были модными и чтобы их можно было продавать.

В общем, под каждого человека и под каждую компанию мне нужно подстраиваться и адаптировать подход под их задачи. Мне это дается легко, потому что много лет я работал художником по костюмам, а в costume ты всегда подстраиваешься под постановку, под режиссера или хореографа, под бюджет.

Так что я как хамелеон: могу меняться под проект. Но при одном условии: я не должен потерять свой стиль. Это принципиально важно,

потому что я не сделаю вещь, которая полностью противоречит моим убеждениям или моей эстетике.

П. А.: Как бы вы описали свою эстетику?

М. З.: Я бы сказал, что моя эстетика — это кэмп: театральность, яркость, цвет и юмор. И поэтому в любую свою работу я добавляю какой-то неожиданный твист, даже если тема привычная — скажем, цветы. Немного юмора, неожиданные сочетания цветов, какой-то ход, который выбивается из привычной колеи. Если я берусь за цветочную тему, я чаще смотрю на «аутсайдеров» — на те цветы, которые обычно никто не выбирает. Но даже если речь об орхидеях или розах, я все равно найду способ подать их по-своему. Я вот прямо сейчас работаю с розами, но хочу, чтобы они были хотя бы частично увядшими — не все в полном цвету, не все такие идеальные и красивые.

Мне важно, чтобы было небольшое отклонение — совсем чуть-чуть, — чтобы работа не была просто совершенной.

П. А.: Потому что идеальное скучно?

М. З.: Да, именно. Идеальное — скучно.

П. А.: Юмор для вас важен. Почему?

М. З.: Тут дело вот в чем. Я никогда не воспринимал себя просто как шляпника. Я скорее дизайнер и художник, просто шляпы стали моей формой выражения, способом показать свое искусство. Я никогда не относился к себе слишком серьезно. И идеальное, и консервативное всегда казались мне скучными. Мне неинтересно делать просто удобную и носибельную вещь. Юмор — часть моей эстетики и одновременно способ эскапизма. Мы живем в беспокойном месте. Очень легко скатиться в мрачное состояние — постоянно переживать, злиться, грустить из-за всего, что здесь происходит. А я чувствую, что живу как будто в пузыре, в своем странноватом, ярком, смешном пузыре. И мне важно его сохранять, потому что мне кажется, он меня защищает.

П. А.: В культуре образ шляпника, как и образ сапожника, довольно сложный. В сказках и мифах они часто выступают посредниками между мирами, которые как будто помогают чуду произойти. Вы чувствуете что-то похожее? Есть ли ощущение, что вы маг, который превращает скучное в игру, в фантазию?

М. З.: Меня уже не раз называли Безумным Шляпником, и я ничего не имею против. Конечно, я не думаю, что я буквально какой-то

Безумный Шляпник. Но мне действительно проще быть странным, смешным и ярким в том, что я делаю, потому что мои вещи не для повседневного использования. У меня есть свобода — и как будто разрешение — делать что угодно. Конечно, в самом начале мне было тревожно: я не понимал, будут ли люди покупать мои работы и как вообще на них отреагируют. Но сначала я делал все просто потому, что мне так хотелось. Это было мое искусство. То есть вместо того, чтобы писать картины или высекать из камня, я начал «лепить» из текстиля и всего, что под руку попадало. А когда тебя начинают замечать, когда появляются продажи, возникает ощущение признания. Появляется подтверждение, что можно продолжать делать именно то, что хочется.

П. А.: Вы сотрудничали с несколькими музеями, где показывали свои работы.

М. З.: Для меня важно показывать свои работы, потому что, как я уже сказал, я отношусь к ним как к искусству. Это мое искусство, и я хочу, чтобы его видели и, конечно, носили. Но, понятно, не все могут себе это позволить. При этом мне хочется, чтобы люди вообще знали о моих работах, хотя бы понимали, чем я занимаюсь. И я всегда считал, что мода — это тоже искусство, и ей место в музеях, галереях, везде, где ее можно выставлять.

П. А.: А музеи или галереи приобретали ваши работы?

М. З.: Когда я показываю работы в каком-нибудь пространстве, то обычно дарю музею одну из своих шляп.

П. А.: Это очень щедро. Давайте перейдем к вашей педагогической практике. Вы преподаете в Шенкаре, где сами учились. Что вы ведете: шляпное дело, дизайн одежды?

М. З.: Много лет я преподавал фэшн-иллюстрацию, но в прошлом году решил, что больше не хочу этим заниматься. Я хочу преподавать то, что делаю сам, — шляпы. Поэтому в этом семестре я впервые буду вести курс по изготовлению шляп.

П. А.: А сами вы носите шляпы?

М. З.: Да. У меня их много. Я довольно много путешествовал. В России пока не довелось побывать, но в целом я довольно много где был. И я часто знакомлюсь с другими шляпниками и стараюсь покупать их работы. Мне важно, знаете, иметь при себе частичку их работы.

П. А.: То есть у вас есть коллекция шляп?

М. З.: Ну, можно так сказать. В моей коллекции где-то пятьдесят шляп.

П. А.: Ну это уже настоящая коллекция!

М. З.: Ну... да. Проблема в том, что у меня уже просто нет места. Так что сейчас я стараюсь себя сдерживать и не покупать слишком много. Но да, я люблю и ношу шляпы!